

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.25

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2019) Migrants' settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ I

РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ I

MIGRANTS' SETTLEMENT PATTERNS IN GLOBAL CITIES AND THEIR DETERMINANTS: PARIS, SINGAPORE, SYDNEY AND MOSCOW. PART I

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

АНДРЕЕВА Альбина Сергеевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

Аннотация. Приводятся результаты сравнительного анализа характеристик расселения этнических мигрантов и их детерминант в глобальных городах (Париж, Сингапур, Сидней и Москва). Статья написана на основании релевантной литературы, а также полевой работы в указанных городах, включавшей экспертные интервью со специалистами по урбанистике и интеграции

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Master of Sociology, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Albina S. ANDREEVA¹ — Master of International Relations, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative study devoted to the settlement of ethnic migrants and their determinants in the global cities, such as Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. The article is based on the relevant literature and field studies conducted in these cities including interviews with experts in the urban studies and migrant integration, observation, in-depth and

мигрантов, наблюдения, глубинные и экспресс-интервью в городском пространстве, в частности в местах резидентной концентрации иноэтничных мигрантов (этномиграционных анклавов). Основной результат — теоретическая схема, описывающая главные детерминанты расселения мигрантов в разных контекстах. Среди основных факторов, объясняющих расселение мигрантов в глобальных городах, — социально-экономические параметры принимающего общества, характеристики миграционной политики, миграционных потоков, вертикальной социальной мобильности мигрантов и их детей, социальная структура пространства, локальная конструкция этничности, государственная и городская резидентная политика, а также резидентный выбор мигрантов и немигрантов. Для каждого случая набор факторов, объясняющий характеристики расселения мигрантов, различается. В статье приводятся детальные описания городов-случаев и показывается релевантный для них набор факторов. Текст статьи разделен на две части, первая публикуется в № 6 (2019), вторая — запланирована в № 2 (2020).

Ключевые слова: миграция, расселение мигрантов, этно-миграционные анклавы, места концентрации мигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

express interviews in the urban space, for example, in the areas of residential concentration of non-ethnic communities (ethno-migrant enclaves). The authors propose a theoretical scheme describing the key determinants of migrant settlement in different contexts. The basic factors behind migrant settlements in the global cities are as follows: socio-economic characteristics of the receiving community, migration policy, characteristics of migration flows, characteristics of vertical social mobility among migrants and their children, social structure of the urban space, local construction of ethnicity, state and urban residential policies, and residential choices of migrants and non-migrants. For each of these cases, factors explaining settlement preferences can be different. The article provides a detailed description of each city and depicts a set of factors relevant for each of these case studies.

Keywords: migration, migrant settlement, ethno-migrant enclaves, migrant concentrations

Acknowledgments. The research behind the article is supported by the Russian Science Foundation (project RSF № 18-78-10086) “Analysis of Ethno-Migrant Enclave Formation in Russian Cities”.

Введение

Расселение мигрантов и этно-миграционная анклавизация — тема, хорошо разработанная в зарубежной науке, но практически не тронутая в России. Авторы редких отечественных исследований [Вендина, 2004; Demintseva, 2017; Varshaver, Rocheva, 2018] сходятся во мнении, что мигрантских районов ни в России в целом, ни в Москве в частности нет и что Россия существенно отличается от прочих принимающих обществ. До настоящего момента не предпринимались попытки комплексного изучения характеристик расселения мигрантов в России на международном фоне. В 2018 г. стартовал масштабный проект, поддержанный Российским научным фондом, посвященный расселению мигрантов в России, реальности и потенциалу. Проект подразумевает использование спектра методов социальных наук — от анализа социетальной статистики до математического моделирования резидентного поведения мигрантов и немигрантов. Первой задачей в рамках проекта являлась контекстуализация российского случая зарубежными и создание общей теоретической модели, позволяющей для каждого случая, включая российский, выделять факторы, связанные с расселением мигрантов. Была начата масштабная работа по изучению разнообразных международных контекстов и сопоставлению их между собой и с российским случаем. В данной статье приводятся первые результаты этой работы.

В ходе исследовательских мероприятий были изучены три зарубежных мегаполиса, возможность исследовательских поездок в которые существовала на момент начала работы, проведено пилотное исследование в Москве, выполнено сопоставление случаев между собой и на его основании создана теоретическая модель расселения мигрантов в мегаполисе. Важно отметить, что эта модель была создана индуктивно и в приведенном виде является в большей степени «общим знаменателем» рассмотренных случаев, но не универсальным объяснением расселения мигрантов. Тем не менее работа продолжается: рассматриваются иные страновые контексты (Великобритания, Канада, ОАЭ, Израиль, Швеция и проч.), исследуются различные российские случаи (Красноярск, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Волгоград, Астрахань и проч.), детальнее изучается Московская агломерация, анализируется литература, посвященная соответствующим явлениям. Представляется, что полученные результаты имеют научную ценность и на данном этапе, но именно в обозначенном эпистемологическом статусе — как результаты первого этапа исследования.

В каждом из выбранных городов одним из авторов статьи осуществлено полевое исследование качественными методами (экспертные, глубинные и экспресс-интервью, а также наблюдение). На основании его результатов, а также анализа статистики и литературы было дано подробное описание случая. Сходные исследовательские мероприятия проводились в Москве. Далее случаи были сопоставлены в ходе коллективного анализа результатов и представлены в виде статьи. Сложность сопоставления состояла в том, что каждый страновой контекст существенно отстоит от прочих — и в части языка описания явлений, связанных с миграцией и расселением в городе, и в части соответствующей статистики (ее наличия и надежности), и в части собственно ситуации с миграцией и расселением. Это исследование проигрывает по параметру четкости сравнительным исследо-

ваниям, в которых сопоставляются значения сегрегации, посчитанные с помощью индексов на основании сопоставимой статистики, однако именно в этом и состоял вызов — сравнить случаи, которые по многим критериям существенно отстоят один от другого, несмотря на возникающие сложности рядоположить их, выявить сходства и различия и, как следствие, попытаться понять, как устроено расселение мигрантов *per se*.

Статья разделена на две части. В первой части, опубликованной в этом номере, дано описание теоретических подходов, на базе которых было выполнено исследование, приведена методология, указаны ее ограничения, представлены описания случаев Парижа и Сингапура. Во второй части статьи, готовящейся к публикации в № 2 (2020), приведено описание Сиднея и Москвы, дан сравнительный анализ всех четырех случаев, обозначены основные особенности расселения мигрантов в Москве, представлена теоретическая модель, объясняющая расселение мигрантов в глобальных городах.

Подходы к изучению расселения мигрантов

Этническая сегрегация и расселение мигрантов в городах — тема, хорошо разработанная в зарубежной литературе. Классические работы Чикагской школы, посвященные осмыслению взаимодействия представителей мигрантских групп в городе и вошедшие в историю социологии под лейблом «цикл расовых отношений» [Park, 1950], практически сразу обращаются к пространственному аспекту этого взаимодействия. Одной из первых попыток теоретизирования о том, где и почему расселяются мигранты и как это меняется со временем, является теория концентрических зон Берджесса [Park, Burgess, 1925]. Согласно этой теории, мигранты сначала селятся в зонах, прилегающих к центру, где дома находятся в запущенном состоянии (следовательно, цены на жилье самые низкие в городе), а также расположены фабрики с типичными рабочими местами. По мере накопления ресурсов мигранты перебираются в зоны «домов рабочего класса», а затем и дальше — на окраины, где жилье еще лучше. Теория концентрических зон, однако, как показали дальнейшие исследования [Berry, Rees, 1969; Janson, 1980; White, 1988], хорошо описывая Чикаго первой четверти XX в., не подходила для описания других американских и неамериканских городов.

Введение в научный оборот все большего количества случаев расселения мигрантов потребовало создания более строгих, в том числе количественных, описаний расселения мигрантов в городах, и вторая половина XX в. ознаменовалась введением, обсуждением и активным использованием так называемых «индексов сегрегации» — математических показателей расселения тех или иных групп в городе. Показатели сегрегации, впервые предложенные после войны [Jahn, Schmid, Schrag, 1947], почти сразу стали объектом критики и дальнейшей детализации [Cowgill, Cowgill, 1951; Duncan, Duncan, 1955], и за тридцать лет накопилось множество сегрегационных индексов, в 1988 г. редуцированных Мэсси и Дентон к пяти основным измерениям [Massey, Denton, 1988]. Параллельно увеличивался объем литературы, где индексы сегрегации использовались для изучения тех или иных случаев [Zhou, Logan, 1991; Jones

et al., 2015] или сравнения их между собой [Johnston, Poulsen, Forrest, 2007ab], однако до определенного момента [Maloutas, Fujita, 2016] за некоторыми исключениями [Clark, 1988] эти исследования носили дескриптивный характер, не ставя задачу объяснить различия в значении показателей. Также важно отметить, что такого рода исследования ориентируются исключительно на данные переписей и прочей государственной статистики, а значит, в случаях, когда существенная часть миграции — временная или «нелегальная», и в ситуациях, когда государство стремится своих мигрантов «не замечать», описательная мощность этого подхода снижается.

Важная задача в рамках изучения расселения мигрантов — создание общих и частных теоретических моделей, его объясняющих, для чего был использован институциональный подход в урбанистических исследованиях: такие модели предполагали объяснение расселения мигрантов через пространственное неравенство и государственную жилищную политику [Atkinson, Kintrea, 2000; Briggs, 2003; Musterd, Andersson, 2005; Maloutas, Fujita, 2016]. В этих исследованиях было продемонстрировано, что, во-первых, сегрегация мигрантов в городах объясняется участием государства в рынке недвижимости; во-вторых, «социалистические» режимы распределения жилья характеризуются меньшей жилищной сегрегацией, нежели «либеральные» режимы [Arbaci, 2007]; в-третьих, важно расположение социального жилья, и на первый план выходят факторы, ответственные за это расположение, в том числе история пространственного неравенства и различного рода усилия по его смягчению [Skifter Andersen et al., 2016]. В последние годы эта традиция вышла за пределы указанных объяснительных моделей, дополнившись социально-экономическим неравенством, позицией города в глобальном распределении ресурсов и другими факторами [Musterd et al., 2017]. Создание общей объяснительной модели расселения мигрантов в этой традиции столкнулось, однако, с тем, что во многих случаях решающими для расселения мигрантов являются узкоконтекстуальные факторы и урбанистическая история [Tammaru et al., 2015].

Параллельно этому подходу развиваются исследования резидентного выбора [Åslund, 2005] и индивидуальных предпочтений [Zubrinksy, 2006]. Восходя к математическому моделированию сегрегации Шеллинга [Schelling, 1971], эти исследования помещают в фокус желание мигрантов и немигрантов жить с представителями тех или иных мигрантских и немигрантских групп. Среди подтем исследований выделяются, во-первых, установка на проживание с представителями «своей» группы [Raden, 2003], во-вторых, желание избежать соседства представителей тех или иных «чужих» групп [Krysan, 2002], в-третьих, неэтнические факторы резидентного выбора, кроме того, производятся попытки комплексного объяснения расселения через резидентный выбор [Havekes, 2014]. Основной вывод этого блока исследований состоит в том, что этническая сегрегация вызвана неэтнической установкой жить рядом с родственниками и друзьями, которые, однако, зачастую оказываются той же этнической принадлежности. Кроме того, как указывал Шеллинг, а затем и его последователи [Pancs, Vriend, 2007; Urselmans, 2016], пространственная сегрегация может быть результатом слабовыраженных сегрегационных установок.

Методология исследования

Отталкиваясь от указанных подходов, в изучении расселения мы прежде всего обращали внимание на следующие явления. (1) Социальная структура пространства «до миграции» — характеристики застройки, паттерны расселения представителей разных групп, «классовость» пространства, история пространственного неравенства. (2) Характеристики миграционных волн и отдельных групп мигрантов — их постоянность или временность, уровень образования и характеристики занятости, знание языка принимающей страны и фактическое, равно как и воспринимаемое, культурное сходство мигрантов и немигрантов. (3) Государственная миграционная политика — в частности, аккомодация (первичный прием) мигрантов, предоставление тем или иным категориям мигрантов социального жилья, усилия по социальному перемешиванию жителей в зависимости от миграционного статуса. (4) Резидентные установки мигрантских и немигрантских групп. Одновременно с этим мы пытались осмыслить каждый случай в отдельности, в том числе и на основании тех объяснительных моделей, которые предлагались в литературе применительно к каждому из случаев, а также в экспертных интервью.

В качестве объекта изучения и сравнения взяты Париж, Сингапур, Сидней и Москва. Было решено исследовать так называемые глобальные города (ГГ), которые привлекают мигрантов в первую очередь [Benton-Short, Price, Friedman, 2005]. Согласно классификации сети «Глобализация и глобальные города»¹, все выбранные нами мегаполисы относятся к городам альфа и альфа+, аккумулирующим глобальные финансовые и миграционные потоки. На этом этапе исследования было важно не ограничивать себя предварительно заданными основаниями для выборки, поэтому случай должен был удовлетворять минимальным требованиям: во-первых, в составе населения города присутствуют международные мигранты и их дети, во-вторых, существует возможность исследования города на основе синтеза полевых и кабинетных методов. В итоге, однако, набор случаев получился достаточно разнообразным.

В нероссийские города организована исследовательская поездка, предполагавшая серию экспертных интервью, скомбинированных с наблюдением и интервьюированием в городском пространстве, в том числе в местах концентрации мигрантов. Основная часть исследования была проведена зимой-весной 2019 г. В Сиднее проведено 8 экспертных и 40 глубинных и экспресс-интервью, в Сингапуре — 6 экспертных и 20 глубинных и экспресс-интервью, в Париже — 6 экспертных интервью, а затем результаты верифицированы на основании еще 4 экспертных интервью и 30 глубинных и экспресс-интервью. Параллельно этому осуществлялась кабинетная работа. Основная эмпирическая база этой работы — существующие исследования и переписи населения.

Иначе была построена работа по изучению московского случая. Поскольку авторы долгие годы изучали миграцию и интеграцию мигрантов в России, значительной частью информации, которая в других случаях собиралась в ходе глубинных, экспресс- и экспертных интервью, в отношении Москвы они располагали. С другой стороны, изучением непосредственно расселения мигрантов авторы ранее почти

¹ См. подробнее по ссылке: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/> (дата обращения: 10.12.2019).

не занимались, поэтому было осуществлено масштабное исследование, в ходе которого вместе со студентами методами глубинных, экспресс- и экспертных интервью были изучены различные локации расселения мигрантов на территории Москвы и Московской области². Параллельно были проведены экспертные интервью со специалистами по урбанистической истории Москвы. Эти исследовательские мероприятия не являются конечной точкой в рамках исследования Московской агломерации, и ее исследование будет продолжено.

На основании указанных данных создавались описания городов. В части доступности данных случаи существенно различались. Например, если в Австралии по каждой переписной единице в открытом доступе имеется подробнейшая информация (включая миграционные, этнические и религиозные характеристики), в Москве такие данные очень неточны и недооценивают временных мигрантов, а в Сингапуре миграция отсутствует среди тем переписи. Кроме того, для описания разных случаев в разном соотношении использовалась информация, полученная разными методами. В частности, если во Франции в силу значительной изученности вопроса большая часть описания была сделана на основании литературы, в Сингапуре исследования расселения практически полностью отсутствуют, и описание в первую очередь было сделано на основании экспертных интервью, а также полевой работы в городской среде. После описания случаев в предварительном ключе было проведено несколько аналитических встреч, в ходе которых случаи сопоставлялись между собой, выделялось общее и частное, выявлялись факторы, наиболее важные в каждом из случаев, а кроме того — создавалась теоретическая модель, призванная описать расселение мигрантов как таковое. Важно отметить, что наибольшие усилия в ходе этого обсуждения были потрачены на то, чтобы привести изученные случаи к состоянию сопоставимости — при этом необходимо было абстрагироваться от различий в характеристиках используемых данных, миграционной ситуации и дискурсах о миграции в каждом из случаев. В результате были сформулированы широкие обобщения, опасность которых авторы осознавали, но также видели в них единственную возможность движения в сторону ответа на вопрос об устройстве расселения мигрантов вообще. Частным следствием из этого является то, что далеко не всегда в описаниях возможно атрибутировать тот или иной тезис тексту или эксперту, однако, если это оказывалось возможным, ссылка той или иной степени точности приводилась.

Описания случаев

Париж

Историю иммиграции во Франции можно разделить на три периода: до Второй мировой войны, с 1950-х по 1990-е и с 2000-х по настоящее время. В первый период наиболее крупные группы мигрантов состоят из выходцев из соседних стран — бельгийцев, итальянцев, испанцев, немцев и швейцарцев [Histoire de l'immigration..., 2004]. Этот поток прерывается сначала Великой депрессией, а затем и Второй мировой войной. По окончании Второй мировой перед страной вновь встает задача реконструкции экономики в условиях нехватки рабочих рук.

² Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных Я. Богуславской, А. Бойко, Е. Власовой, М. Кандински, В. Козлову, Н. Кононцу, М. Мурадовой, И. Тереховой, И. Токмань, Ю. Чеботареву.

Для восстановления экономики Франция снова привлекает рабочую силу из-за рубежа. В этот период доля итальянцев постепенно снижается за счет роста числа мигрантов из Португалии и стран Северной Африки. В 1970-х нефтяной кризис, к которому затем добавились другие факторы, стал причиной замедления французской экономики и положил начало деиндустриализации: фабрики и заводы в этот период массово закрываются, объемы промышленного производства падают, а доля услуг, напротив, растет. Власти принимают решение закрыть границы для иностранных работников и разрешить въезд только беженцам и членам семей тех мигрантов, которые уже живут в стране. В ответ на эти меры растет незаконная иммиграция, которая принимает разные формы [Tribalat, 1997]. Военные конфликты, политические кризисы, тяжелое экономическое положение, вызванное, помимо прочего, засухой в регионе Сахель, приводят к всплеску миграции из Африки южнее Сахары. Хотя первые группы мигрантов из этого региона появились во Франции еще после Второй мировой войны, с конца 1960-х по 1990-е гг. наблюдается их резкий рост. Новые потоки приезжих включают как бывшие колонии (Сенегал, Мали, Мавритания, страны Гвинейского залива), так и страны, не связанные с Францией колониальным прошлым, — Маврикий, Конго, Гана, Кабо-Верде и проч. Если в 1970—1990-е доля мигрантов во Франции оставалась на уровне 7,5%, то в начале XXI в. вновь наблюдается резкий рост: за 15 лет число мигрантов увеличилось с 4,4 млн в 1999 г. до 6,2 млн (или 9,3% населения) в 2015 г. Среди тенденций внутри потока отмечается рост доли мигрантов из стран Африки (44,6% в 2015 г.), в особенности из Африки южнее Сахары, и продолжает снижаться доля европейских мигрантов, хотя последние все еще составляют вторую крупнейшую группу — 35,4%³ от общего числа иммигрантов во Франции.

Париж — столица страны, а также один из основных индустриальных центров. С начала индустриализации город был центром притяжения внутренних мигрантов, а также стягивал на себя иностранную миграцию. Уже в 1891 г. доля его жителей, не родившихся в Париже, достигала 97%, однако иностранцев среди них было только 10% и в основном они приезжали из Англии, Италии, Бельгии, Германии и Польши⁴. В начале XX в. число иностранных мигрантов в Париже резко растет благодаря беспрецедентному экономическому росту и к 1931 г. достигает 450 тыс. Две трети из них — итальянцы, также в городе селятся бельгийцы, испанцы, поляки, армянские беженцы из бывшей Османской империи, русские — белые эмигранты и бежавшие от погромов евреи. В ходе всех последующих волн Париж остается крупнейшим очагом миграции и даже в период с 1970-х по 1990-е гг., когда число мигрантов стабилизируется в остальной Франции, в Парижском регионе оно продолжает расти. В XXI в. мигранты продолжают селиться в Париже — регион Иль-де-Франс удерживает абсолютное первенство по доле иностранных мигрантов и их приросту: здесь развита экономика, находятся крупнейшие аэропорты, государственные органы по работе с мигрантами (например, офис по делам

³ Immigrés, étrangers. *Institut National de la Statistique et des Études Économiques*. 2010. October 8. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed: 10.12.2019).

⁴ Fourcaut A. Haussmannisation et annexion. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 1. *Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne*. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u1/co/1_1.html (accessed: 10.12.2019).

беженцев), университеты, принимающие больше всего иностранных студентов во Франции, а также крупные фонды социального жилья⁵. Париж отличается разнообразием происхождения мигрантов: если в других крупных агломерациях проживают в основном магрибцы и европейцы, то именно в столице сконцентрированы представители Юго-Восточной Азии и Китая, а также большинство мигрантов из Африки южнее Сахары⁶.

Можно выделить четкий пространственный паттерн расселения разных мигрантских групп по городу и пригородам (см. рис. 1). Если европейские мигранты расселены по агломерации достаточно равномерно и их можно встретить как в центральных коммунах Парижа, так и в пригородах, расположенных во всех направлениях от центра, азиатские иммигранты в большей степени концентрируются в северо-восточных и юго-восточных пригородах. Еще более выражена концентрация магрибских мигрантов: всего в агломерации их около 5 %, в ряде северных пригородов их доля может достигать 15 %, в центральных же коммунах они недопредставлены или практически не живут. В целом территория, где доля магрибских мигрантов выше, — это полоса пригородов, тянущаяся с северо-запада на северо-восток, а также районы к юго-востоку от Парижа.

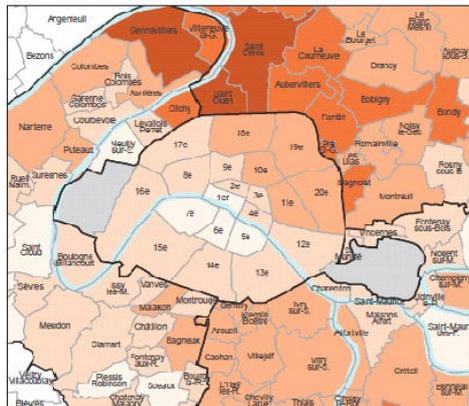
Сходная картина характеризует мигрантов из Черной Африки. Они почти не живут в центральной части города, зато значительно (в пять раз относительно их доли в населении Парижа) перепредставлены на севере, в частности в муниципалитете Сен-Дени, который также характеризуется самой высокой долей магрибцев [Vieillard-Baron, 2016]. Мигранты, таким образом, концентрируются в некоторых частях Парижа, но на уровне муниципалитетов и районов говорить о сегрегации не приходится [Préteceille, 2011]: по состоянию на начало 2000-х ни в одном из них — а всего их 420 — доля мигрантов и их детей не составляла более 50 %. В восьми таких пространственных единицах эта доля колеблется между 38 % и 45 %, в 16 — между 30 % и 37 %, в 164 — от 0 до 7 % — это наиболее часто встречающаяся доля мигрантов первого и второго поколения. Ситуация меняется, если спуститься на еще более низкий переписной уровень (TRIRIS) — из 1126 мелких пространственных единиц уже в 14 мигранты и их дети составляют более половины населения, а в муниципалитете Клиши-су-Буа (департамент Сена-Сен-Дени) эта доля достигает 70 %. Совокупная доля мигрантов, живущих в этих единицах, составляет не более 5 % от их общего количества, и можно говорить о территориях высокой концентрации мигрантов в Париже, но в них живет лишь небольшая часть мигрантов — большинство же расселено в муниципалитетах, где концентрация невысока. Одновременно, однако, муниципалитеты с более высокой концентрацией мигрантов тяготеют к северным, северо-восточным и юго-восточным частям Парижа.

⁵ Fourcaut A. Les territoires de l'immigration au XXe siècle. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 6 // Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u6/co-module_1.html (accessed: 10.12.2019).

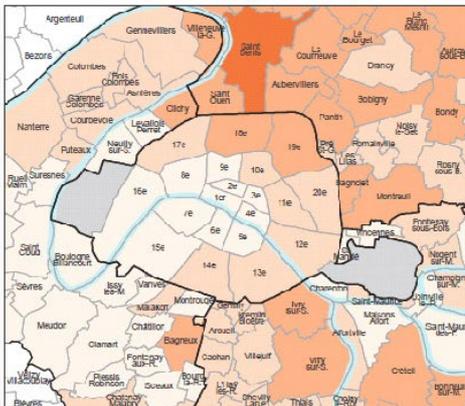
⁶ 5 cartes pour Comprendre ce qu'est Devenue la France d'Aujourd'hui // Atlantico. 2016. July 8. URL: <https://www.atlantico.fr/decryptage/2757191/5-cartes-pour-comprendre-ce-qu-est-devenue-la-france-d-aujourd-hui-laurent-chalard-jacques-levy> (accessed: 10.12.2019).

Доля мигрантов по стране происхождения, 2007 г.

Страны Магриба
 Ср. знач.: Париж - 5%
 Ср. знач.: Иль-де-Франс - 5,1%

Африка за искл. стран Магриба
 Ср. знач.: Париж - 3,1%
 Ср. знач.: Иль-де-Франс - 3,2%

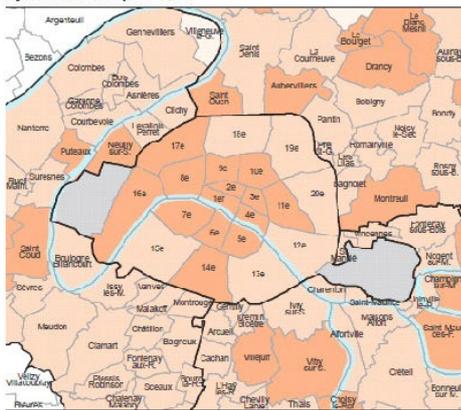

Доля мигрантов в общей численности населения

- более 15%
- от 10 до 15%
- от 5 до 10%
- от 2,5 до 5%
- менее 2,5%

Источник: Перепись населения (INSEE) - 2007

Страны ЕС-27
 Ср. знач.: Париж - 5,2%
 Ср. знач.: Иль де Франс - 4,4%

Азия и Оксания
 Ср.знач.:Париж - 4,3%
 Ср.знач. Иль-де-Франс - 3%

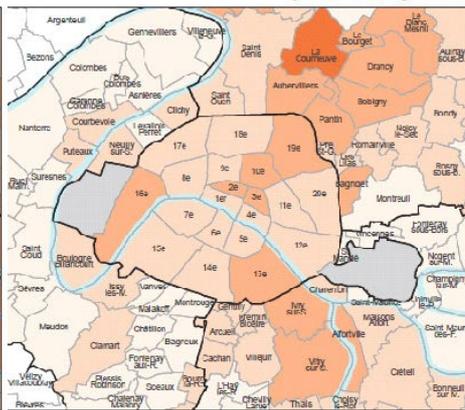

Рисунок 1. Доля мигрантов из различных регионов мира по департаментам Парижа [Veillard-Baron, 2016]

Что собой представляют эти районы и в какой степени районы с высокой долей мигрантов являются одновременно бедными? Для Парижа это в значительной степени так — достаточно посмотреть на карту распределения среднегодовых доходов. Северные, северо-восточные и юго-восточные пригороды — это территории, где в среднем зарабатывают не более 20 тысяч евро в год, и эти цифры существенно контрастируют с западным Парижем и западными его пригородами, где средний заработок в два раза выше [Bidoux, Couleaud, 2017]. Аналогичным образом распределяется доля учеников, не получивших аттестат зрелости: в северных пригородах она может составлять более четверти от всех выпускников, а в восточных в среднем не доходит и до 10% [Couleaud et al., 2016]. Характерно также распределение мигрантов разного происхождения и немигрантов в районах, относящихся к так называемой зоне городской политики (ZUS) Парижа, то есть районам, которым город приоритетно помогает. По данным 2008 г., население таких районов состоит из следующих групп: 46% населения — местные, 35% — мигранты из Турции, Северной Африки и Африки южнее Сахары и их дети, 15% — мигранты из других стран и их дети, 4% — французы из заморских департаментов. 100 наиболее уязвимых кварталов из числа зон городской политики имеют еще более высокую концентрацию выходцев из Африки и Турции — там их доля достигает 43% [Pan Ké Shon, 2011]. Еще более показательны цифры, описывающие этнический состав зон городской политики всего Иль-де-Франс, в которых 50% жителей — мигранты из Северной и Черной Африки и их дети [Bidoux, 2012].

В какой степени можно говорить о резидентной мобильности — переезде жителей таких районов в лучшие части города? Она, вопреки расхожему мнению, высокая — выше, чем в среднем в стране, но для разных групп жителей она выглядит по-разному. Мобильность французов и мигрантов не из Африки не только выше, но и намного чаще идет по восходящей: среди французов, которые жили в 1990 г. в неблагополучном квартале, 63,7% сменили место жительства до 1999 г., из них 69% уехали в «хороший» квартал (не-ZUS). Среди африканских мигрантов, живших в ZUS, место жительства сменили 55,4%. Из них в «хороший» квартал переехали только 40%, 45% переехали в рамках того же квартала, 16% переместились в другой бедный район [Pan Ké Shon, 2009]. В целом вероятность поселиться в неблагополучном квартале в 84 раза выше для тех, кто уже живет в таком же (или том же) неблагополучном квартале. Можно, таким образом, говорить о том, что социально-пространственная мобильность среди мигрантов не является массовой и население бедных районов воспроизводится в том числе и через поколение.

Отдельно следует сказать об имидже мигрантской части Парижа. В научном и политическом дискурсе Франции закрепляется пространственное видение таких социальных проблем, как молодежная преступность, наркотрафик, безработица, нелегальная иммиграция. Конструируется образ пригородов как зоны социальной исключенности, повышенной преступности, инородной — мигрантской — культуры. Районы преимущественного проживания мигрантов начинают называть гетто и территориями беззакония. Этот образ настолько силен, что появляется феномен дискриминации по месту жительства, когда адрес проживания может стать причиной отказа в приеме на работу. Напротив, среди обитателей пригородов укореняется собственный конфликтный нарратив: они жертвы постоянной

дискриминации и произвола полицейских, покинуты государством и обществом, живут без доступа к достойному образованию и работе, являются чужаками в собственной стране. Остро переживая собственную исключенность, мигранты пригородов воспроизводят стигматизацию, которой затем подвергаются: в их дискурсах лейтмотивом проходит мысль о том, что они хотят вырваться из своего квартала, что здесь действительно живут группы риска, но это все — «другие, а не я». Это причудливым образом сочетается с желанием защитить собственный квартал от обвинений со стороны и выражается в конструкциях вроде «У нас нет никаких проблем, СМИ врут» [Avenel, 2009].

Всего за 70 лет интенсивной международной миграции в Париже сложились районы, в которых доля мигрантов выше, чем в других. Более того, эти районы, характеризуясь низким уровнем доходов, плохим школьным образованием, высоким уровнем безработицы и низким уровнем пространственно-социальной мобильности, довольно быстро превратились в территорию воспроизводящейся межпоколенной бедности. Как такое положение вещей сложилось?

Еще до индустриализации пространство Парижа было иерархизировано: зажиточные парижане предпочитали селиться на западе от центра города, центр же хозяйственной активности приходился на географический центр Парижа и на территории, прилегающие к нему с северной и восточной сторон. Современная хозяйственная специализация районов и связанное с ней пространственное районирование восходят, однако, к индустриальной эпохе и связаны с ходом пространственных преобразований Парижа третьей четверти XIX в. В этот период власти проводят масштабную реновацию Парижа, налаживают канализацию, движение, строят престижные кварталы, превращают город в центр культуры и своего рода витрину Франции⁷. Пространство за пределами города остается областью неконтролируемого расселения и хаотичной урбанизации, осуществляемой руками частных предприятий и застройщиков. Жить за городом дешевле — и в части жилья, и в части налогов. Параллельно пригороды привлекают сначала мелкие мануфактуры, а затем и крупные предприятия благодаря наличию дешевой рабочей силы, неосвоенности территорий и невысоких цен на землю⁸.

Размещаются они преимущественно в северном, северо-восточном и юго-восточном направлениях от центра в связи, во-первых, с локализацией ресурсов, необходимых для производств, во-вторых, с тем, что в этих же направлениях располагаются деловые районы центра города и сообщение с ними происходит быстрее всего, в-третьих, с тем, что западный ветер относит фабричный дым дальше от города в восточном направлении, а город с начала индустриальной эпохи пытался регулировать экологические вопросы. Рабочие этих предприятий живут недалеко от рабочих мест, в условиях, оставляющих желать лучшего: в заводских бараках, доходных домах, а также в появляющихся в начале XX в. трущобах — стихийной частной застройке, лишенной коммунальных удобств и административ-

⁷ Horn C. Haussmann and the Buildings of Paris — France. *Urbanplanet*. 2012. December 15. URL: <http://urbanplanet.info/urbanism/the-haussmann-style-2/> (accessed: 10.12.2019).

⁸ Fourcaut A. Haussmannisation et annexion. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 1. *Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne*. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u1/co/1_1.html (accessed: 10.12.2019).

ного управления [Lévy-Vroelant, 2004]. К началу Второй мировой войны неконтролируемое жилищное строительство достигает своего пика. В этих условиях начинается массовая послевоенная иностранная миграция, значительная часть мигрантов оседает в Париже — занимает места на предприятиях и на стройках восстанавливающейся после войны Франции, а селится — в бараках, доходных домах и трущобах.

Миграция иностранцев рассматривалась французами как временная, поэтому они не становились объектами социальной, а тем более жилищной политики. В связи с этим расселять их в социальное жилье, которое сначала в ограниченных количествах, а после войны и массово появлялось в парижских пригородах, изначально не планировалось. Новые жилые комплексы строились большей частью на месте бывших сельскохозяйственных угодий, т. к. свободных и недорогих земель было мало. Это могли быть как зеленые районы вокруг старых индустриальных городов — например, Сен-Дени, Бобиньи, Иври, — так и слабо урбанизированные зоны вокруг небольших деревень, которые осваивали буквально с нуля. Из-за ограниченного бюджета и крайне сжатых сроков новые дома строили крупными, если не гигантскими блоками от 1000 до 10 000 квартир — часто это были целые кварталы однотипных бетонных многоэтажек. Скорость строительства не позволяла продумать гармоничное оснащение новых районов общественными сооружениями, поэтому сначала в них не было ничего, кроме самих жилых зданий: ни школ, ни больниц, ни парков или даже магазинов (хотя некоторое время спустя там появились начальные школы и общественный транспорт).

Кого селили в новых домах? Чаще всего это был рабочий «средний класс» — семьи с детьми, работающие на заводах или других предприятиях и имеющие стабильный доход, квалифицированные кадры среднего звена, а также белые французы, репатриировавшиеся из колоний. Вначале среди них не было ни молодежи, ни пожилого населения. Все они отбирались специальными комитетами доступного жилья и заселялись в качестве арендаторов. Примечательно, что формально мигрантам не было запрещено селиться в этих кварталах, но на практике у них не было возможности туда попасть [Blanc-Chaléard, 2008]. Уже на данном этапе намечилось деление между более и менее образованными группами жильцов: первые воспринимали эти кварталы как промежуточное место жительства и рассчитывали в будущем купить собственный дом, в то время как вторые планировали остаться. Мигрантов же переселяли из трущоб в специально построенные транзитные городки и общежития. Они были построены в разгар Алжирской войны специально для мигрантов из этой страны, поскольку среди них распространялись националистические настроения и власть таким образом хотела их контролировать. Затем же — на волне борьбы с трущобами — в эти городки и общежития переселяли уже разных мигрантов вне зависимости от страны происхождения.

1970-е — время, когда стало понятно, что послевоенные иностранные иммигранты не собираются уезжать, а кроме того выяснилось, что социальное многоэтажное жилье не является местом, где хотел бы жить средний парижанин. Строительство социального жилья прекращается, вместо него вводятся индивидуальные пособия по улучшению жилищных условий. Французы, жившие в социальном жилье, благодаря пособиям уезжают в собственные дома, а на их место заселяют мигрантов

и бедняков из транзитных городков. Кризис 1970-х особенно сильно бьет по промышленности и, соответственно, низкоквалифицированным фабричным рабочим, которыми в первую очередь являются мигранты, и на смену белым французским рабочим в качестве жильцов «больших ансамблей» приходят мигранты. Довольно быстро эти места становятся пространством социальной исключенности. Высокий уровень безработицы, слабое владение французским языком, восприятие жителей этих районов французами в качестве чужаков — все это способствует маргинализации этих пространств. Пригороды превращаются в сосредоточение социальной депрессии и связанных с ней социальных пороков — алкоголизма и наркомании, девиантного поведения и «антишкольной культуры» в молодежной среде. Возможности для вертикальной мобильности жителей этих районов — пространственной и социальной — были сильно ограничены. Достигая трудоспособного возраста, молодежь, плохо учившаяся в школе, не пошедшая в университеты и не имевшая перед глазами моделей успеха в постиндустриальном обществе, сталкивалась с невозможностью устроиться на работу, отчего пригороды замыкались на себе и погружались в еще большую депрессию, а французское общество смотрело на их жителей с еще большим пренебрежением. Выразителями такого отношения были и полицейские, автоматически рассматривавшие жителей таких районов как потенциальных нарушителей [Lareuqnonnie, 2006]. Ответом на это отношение стали сначала митинги и шествия («марш бёров» 1983 г.), а затем и погромы, прозвучавшие на весь мир в 2005 г. — тогда было сожжено порядка 100 тысяч автомобилей. Погромы только усилили общественный антагонизм.

Для изменения сложившейся ситуации с конца 1990-х вводится политика социального смешения. Она предполагает масштабное переустройство и снос социальных кварталов, замену их другими типами жилья, а также резидентное перемешивание населения. Кроме того, на каждый муниципалитет возложена обязанность строить 20—25 % социального жилья, но на данный момент более тысячи муниципалитетов по всей Франции с этой обязанностью не справляются — более того, считается, что некоторые из них предпочитают платить штрафы, лишь бы не привлекать в район «бедность»⁹. Эффективность этой политики лишь предстоит оценить, однако распространено мнение, что в задуманной мере она реализована не будет и этническая сегрегация в Париже в ближайшем будущем не прекратится [Erstein, 2011].

Таким образом, мигранты и их дети — прежде всего из северной и центральной частей Африки — живут в Париже преимущественно в северных, северо-западных и северо-восточных пригородах. Эти пригороды беднее прочих частей Парижа, при этом бедность эта — устойчивая, межпоколенная, а сами пригороды часто справедливо ассоциируются с клубком социальных проблем разного рода. Кроме того, пригороды плотно ассоциируются с иноэтничным мигрантским населением, поэтому, учитывая распространенность расистских установок во французском обществе, негативный образ как районов, так и их жителей усиливается, что ожидаемо рождает противодействие и еще большую социальную и пространственную поляризацию.

⁹ Logements sociaux: une amende quadruplée pour les communes hors-la-loi. *SudOuest.fr*. 2017. November 6. URL: <https://www.sudouest.fr/2017/11/06/logements-sociaux-une-amende-quadruplee-pour-les-communes-hors-la-loi-3923973-5458.php>. (In French).

Сингапур

Сингапур — город и островное государство, расположенное в Юго-Восточной Азии и существующее в нынешнем виде с 1965 г. Основанный в 1819 г. и оставшийся до 1963 г. частью Британской империи, Сингапур быстро вырос из рыбацкой деревушки в крупный портовый город за счет мигрантов — прежде всего из соседних стран региона, Китая, Индии, Малайзии. В 1963—1965 гг. Сингапур входил в состав Федерации Малайзия, получившей независимость от Британии, а в 1965 г. стал отдельным государством. С тех пор Сингапур показал небывалый экономический рост (порядка 6% в год на протяжении 1965—1995 гг.), получив наряду с Тайванем, Гонконгом и Южной Кореей наименование «Азиатского тигра».

На 2018 г. население Сингапура — 5,6 млн человек. Из них граждане составляют 3,471 млн человек, а мигранты разных категорий — 2,2 млн¹⁰, или 39% от живущих или временно пребывающих в стране. В 2015 г. доля граждан и постоянных резидентов, родившихся не в Сингапуре, а в другой стране, составила 46% [Yang, Yang, Zhan, 2017]. Большинство жителей Сингапура — китайцы (76%), на втором месте — малайцы (15%), на третьем — индийцы (7,5%), на все остальные национальности приходится 1,5%¹¹. В силу такой структуры населения Сингапур называют «китайским городом вне Китая» [Warren, 2003]. В Сингапуре действует политика мультирасиализма (*multiracialism policy*), которая кодируется аббревиатурой СМЮ — Chinese, Malay, Indian and Others. Идеологический «слоган» этой политики — «отдельные, но равные» (*separate but equal*) [Yeoh, 2018: 241]. Деление на расы — значимый фактор в жизни жителей Сингапура в разных сферах, от системы образования до расселения. В ID каждого гражданина указано, к какой группе он относится. В Сингапуре четыре официальных языка: английский, китайский (мандарин), тамильский и малайский.

Сингапур был основан в качестве порта в стратегически важном месте: Малаккском проливе. Через него проходили суда, обеспечивавшие торговые сношения между Европой и Китаем. Сингапур стал заменой тех территорий, которые Британия за пять лет до основания города, в 1814 г., передала Нидерландам по договору, заключенному по окончании Наполеоновских войн. Изначально на острове Сингапур находились только рыбацкая деревня и британская торговая фактория. Благодаря удачному расположению и грамотному управлению, Сингапур быстро рос и составил конкуренцию Пинангу и Риану — крупным портам, расположенным по соседству.

Согласно данным первой переписи населения Сингапура, проведенной спустя пять лет после основания британской фактории, в январе 1824 г. в городе насчитывалось 10683 жителя, из них большинство — 4580 человек — составляли малайцы, на втором месте были китайцы (3317), дальше располагались бугисы (народ одного из островов Индонезии; 1925), индийцы (756), 74 европейца, 16 армян и 15 арабов¹². Бум миграции начался во второй половине XIX в. в связи

¹⁰ Population in Brief. *Strategy Group. Singapore*. 2019. September 25. URL: <https://www.strategygroup.gov.sg/media-centre/publications/population-in-brief> (accessed: 10.12.2019).

¹¹ Ibidem.

¹² Formation of the Straits Settlements. *National Library Board. HistorySG: An Online Resource Guide*. <http://eresources.nlb.gov.sg/history/events/57f1cda6-b5e7-4646-bd4f-14cb08181bfe> (accessed: 10.12.2019).

с открытием Суэцкого канала в 1869 г., развитием добычи олова и движением «сельскохозяйственного фронта» в Малайзии. Тогда в Британскую Малайю (совокупность территорий в Юго-Восточной Азии, находившихся под контролем Британской империи, включая Сингапур) стали приезжать мужчины-одиночки из Китая и южного индийского штата Тамилнада. Китайских рабочих привлекали для работы на оловянных рудниках Перака (штат Малайзии) китайские предприниматели [Amrith, 2010], а индусов — европейцы.

В период с 1880 по 1930 гг. население Сингапура увеличивалось в основном за счет миграции, а не естественного прироста [Seng, 2007b]. В 1930-е гг. власти озаботились рисками приезда коммунистов, преступников и большого количества неквалифицированных мигрантов и ввели ограничения, в результате которых был запрещен въезд неквалифицированных мигрантов, введены квоты на въезд мужчин из Китая (а позже — и женщин), а многие безработные мигранты из Китая и Индии были депортированы.

С приобретением независимости в 1965 г. Сингапур делал ставку на индустриализацию, для чего требовалась низкоквалифицированная рабочая сила, которую завозили из-за рубежа. Основным донором была соседняя Малайзия, но в конце 1970-х гг. потребовались новые источники и Сингапур стал импортировать работников из «нетрадиционных стран» (*non-traditional countries*), таких как Бангладеш, Индия, Филиппины, Шри-Ланка, Мьянма и Таиланд [Rahman, 2017]. Миграция низкоквалифицированной рабочей силы из этих стран была удобна тем, что в зависимости от экономической конъюнктуры мигрантов можно было быстро в страну привезти и так же быстро из нее выслать [Yang, Yang, Zhan, 2017]. В 1980-х, в связи с развитием экономики знаний, Сингапур стал привлекать иностранные «talants». Для этого власти Сингапура учредили несколько организаций, представляющих его в других странах и консультирующих желающих переехать, а также начали предоставлять стипендии талантливым иностранным студентам. Начиная с 1990-х гг. Сингапур стал активно принимать высококвалифицированных мигрантов, выдавать им статусы постоянных резидентов и принимать в гражданство. Это вызвало негативную реакцию населения — мигрантов обвиняли в том, что они отнимают работу, из-за них общественный транспорт переполнен, зарплата снижается, а стоимость недвижимости, напротив, растет. В 2013 г. правительство опубликовало доклад (*A Sustainable Population for a Dynamic Singapore: Population White Paper*), в котором указывало, что в силу демографических проблем (старение населения и снижение рождаемости) стране нужны мигранты — на уровне 15 000—25 000 новых граждан каждый год, чтобы к 2030 г. населения Сингапура составило 6,5—6,9 млн человек. Затем, однако, в результате недовольства населения, а также экономического спада 2008—2009 гг. в Азии, власти Сингапура усложнили правила натурализации и получения статуса постоянного резидента.

Общий тренд миграционной политики Сингапура сегодня — привлечение рабочей силы из-за рубежа. При этом высококвалифицированных иностранцев приглашают на постоянное проживание, а низкоквалифицированных — на строго определенное время. Беженцев Сингапур не принимает. Из 5,6 миллионов человек, составляющих население Сингапура сегодня, граждане — 61 %, постоянные резиденты — 9 %, а 30 % — это иностранцы-нерезиденты. Больше поло-

вины последней категории (59%) — мигранты с разрешением на работу (Work Permit; из них 13% — домашние работники), 15% — это неработающие члены семей граждан, резидентов или других иностранцев с визой, которая позволяет привезти члена семьи в Сингапур, 11% — мигранты с визой Employment Pass, 10% — с визой S Pass, 5% — студенты [Yeoh, Lam, 2016]. Согласно данным ООН, среди 1,8 млн жителей Сингапура, имеющих миграционный бэкграунд, первое место занимает Малайзия (1 млн, на втором месте — Китай (380 тыс.), Индонезия (150 тыс.), Индия (138 тыс.), Пакистан (118 тыс.). Однако эти 1,8 млн включают в себя граждан и постоянных резидентов¹³.

Где селятся мигранты в Сингапуре? Жилищный фонд Сингапура устроен особенным образом. С 1960-х в стране существует Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он активно строит жилье: к 2016 г. 73% жилья в Сингапуре построено государством в лице HDB. В таком жилье проживают 80% сингапурцев. В абсолютном большинстве случаев это дома высокой этажности, расположенные вне исторического центра и построенные во второй половине XX — начале XXI в. Квартиры чаще всего покупаются в ипотеку и находятся в собственности владельцев, оформленной на 99 лет. Остальной жилищный фонд — это частное жилье, относящееся к одному из трех типов: преимущественно современные кондоминиумы, старые и новые бунгало, а также шопхаусы, строившиеся до Второй мировой войны. Кроме того, существует временное жилье, прежде всего общежития, предназначенные исключительно для временных низкоквалифицированных мигрантов. Это могут быть «коммерческие общежития», то есть специально для этого построенные здания разной степени капитальности, где селятся работники разных компаний. Управлением таких общежитий занимаются специальные компании или строительные компании, получившие лицензию. Самое крупное общежитие такого рода в Сингапуре вмещает 25 000 человек. Стандартный формат проживания — комната на 12 человек, с шестью двухъярусными кроватями, без кондиционера. Также в качестве общежитий используются пространства, переделанные из складов или иных помещений прежде промышленного назначения, часто расположенные в непосредственной близости от рабочих мест. Как правило, такие общежития вмещают около 20—30 человек.

Расселение всех категорий жителей Сингапура — от граждан до временных неквалифицированных мигрантов — подчинено правилам, в частности существует расовое квотирование проживания в HDB. Так, в соответствии с правилами 2010 г., в одном доме могут жить не более 87% китайцев, 25% малайцев и 15% индийцев и остальных [Phang, 2018: 118]. Для расселения временных мигрантов сформулированы правила, и тип доступного жилья связан с типом визы, страной происхождения и сферой занятости. Снимать квартиры HDB могут мигранты с S Pass и Employment Pass, а также те мигранты с WP, которые заняты в сфере обслуживания. Кроме того, мигрантам с WP, работающим на производстве, разрешается снимать комнаты с проживающим в квартире хозяином. В 2014 г. были определены правила, согласно которым в доме может жить

¹³ Migration Profiles. Singapore. United Nations Children's Fund. 2014. URL: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/Singapore.pdf> (accessed: 10.12.2019).

не больше 11 % иностранцев, арендующих квартиру, а в районе — не больше 8 % [Phang, 2018: 119]. Этот тип жилья недоступен для мигрантов-строителей. Мигрантам-строителям, в отличие от занятых во всех остальных сферах, можно жить на строительных площадках. Общежития, а также любое частное жилье, доступны всем иностранцам.

Эти правила в целом соблюдаются, и в результате расселение мигрантов в Сингапуре выглядит следующим образом. Резиденты и новые граждане, равно как и квалифицированные мигранты-нерезиденты, снимающие квартиры в HDB, равномерно распределены по городу. Жильцы кондоминиумов (мигранты и немигранты) тоже не создают мест концентрации, однако иногда селятся вместе, как, например, в восточной части города, где есть отдельные улицы, занятые кондоминиумами со значительным присутствием индийцев, работающих в высокотехнологичных сферах, в т. ч. в ИТ. В таких кондоминиумах доля индийцев может достигать до 80 %.

Неквалифицированные мигранты расселены в зависимости от типа работы. Домашние работники практически без исключений живут у своих работодателей. Строители и работники промышленных предприятий живут в общежитиях и арендуют жилье в частном секторе, преимущественно в шопхаусах (зданиях низкой этажности с коммерческой площадью на первом этаже и жилой — на втором и выше). И то, и другое становится источником жилищной сегрегации, поскольку общежития чаще всего расположены в промышленных зонах, вынесенных на окраины острова, а шопхаусы преимущественно располагаются в районах старой застройки, которая не считается комфортной и где резиденты Сингапура практически не живут.

В результате, если недавние граждане, резиденты, а также временные квалифицированные мигранты в целом живут дисперсно, неквалифицированные мигранты с WP, за исключением работников отдельных сфер, концентрируются в общежитиях на окраине города и в старых районах, в частности в районе Маленькая Индия и Гейлан, и их проживание имеет сегрегационный характер. Как сложилось такое положение вещей?

Можно выделить три фактора, действие которых во взаимодействии с другими факторами разворачивалось в ходе послевоенной истории Сингапура. Во-первых, это локальная конструкция этничности, во-вторых, деятельность государства как регулятора рынка жилья, этничности и миграции, в-третьих, антимигрантские настроения местного, в нескольких поколениях назад тоже мигрантского, населения.

Долгое время Сингапур развивался в соответствии с генпланом, разработанным основателем порта и, соответственно, города, Томасом Раффлзом. Генплан включал в себя этническое зонирование в соответствии с «расовым» принципом: была европейская часть — для европейцев и состоятельных азиатов, а также китайская, индийская и мусульманская, где могли селиться исповедовавшие ислам малайцы и арабы. В результате мигранты из Китая селились в Чайна-тауне, а индийцы — в районе, который получил название Маленькая Индия (Little India). Маленькая Индия, в отличие от Чайна-тауна, до сих является местом концентрации мигрантов. За сто лет, с 1819 по 1911, население города увеличилось со 150 до 185 000 жителей, и сам город пространственно значительно перерос создан-

ный Раффлзом план. Постепенно центральная часть перестала вмещать новых жильцов, и прибывающие мигранты начали селиться на окраинах — в кампонгах (так называют деревни в Индонезии) [Seng, 2007a], арендуя землю и возводя там жилье разной степени основательности. К концу Второй мировой войны на острове был город, окруженный кольцом кампонгов, или, как их называли власти, сквоттерских поселений. Власти не могли контролировать происходящее в кампонгах — ни неформальную экономическую активность, ни политическую деятельность [Seng, 2007a]. Кампонги были провозглашены социальным злом, и им была объявлена война. В 1950-х был принят закон, позволяющий снос зданий, построенных в определенный период времени без разрешения. Кампонги сносили, жители селились в предлагаемые им квартиры, переезжали в другие кампонги или занимали новые земли, основывая таким образом новые кампонги. Задача по «зачистке» кампонгов лежала на Доверительном фонде по улучшению Сингапура (Singapore Improvement Trust), основанном в 1927 г. британским колониальным правительством. В феврале 1960 г. преемником этого фонда стал Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он оказался эффективнее своего предшественника в плане переселения жителей окраинных кампонгов, их сносу и строительству на их месте новых микрорайонов с многоэтажной застройкой. К 31 марта 1976 г. больше 50 % населения Сингапура жили в государственных квартирах, предоставленных HDB, а сейчас эта цифра достигает 80 %.

В политике расселения присутствует декларируемая государством ценность как социально-экономического, так и этнического смешивания населения. Вопрос об этническом смешивании возник уже в 1960-е гг., когда в Сингапуре произошли сразу две серии расовых беспорядков, представляемых как беспорядки с участием китайцев и малайцев, — в 1964 и 1969 гг. Частично они были связаны с переселением малайцев из районов с их значительным присутствием. С 1969 г., уже в независимом Сингапуре, правительство стало активно строить многоквартирные дома и заселять их таким образом, чтобы малайцы не формировали большинства среди жителей. Однако к 1980-м в городе появились два района — Bedok и Tampines, — в которых малайцы составляли около 30 % населения. В 1989 г. правительство ввело «Политику этнической интеграции» (Ethnic Integration Policy), иными словами, «этнические квоты» на проживание в HDB, в соответствии с которыми в районе могли проживать не более 84 % китайцев, 22 % малайцев и 10 % индийцев и других национальностей (состав населения в Сингапуре на тот момент был таков: 78 % китайцев, 14 % малайцев, 7 % индийцев, 1 % других) [Phang, 2018: 117]). В 2010 г. квота для последней группы — индийцев и других — выросла и составила 12 %. Помимо квот на уровне района есть еще квоты на один многоквартирный блок. В соответствии с правилами 2010 г., в одном доме могут жить не более 87 % китайцев, 25 % малайцев и 15 % индийцев и остальных [Phang, 2018: 118].

Государство все больше участвовало в создании и распределении жилищного фонда, повышался госконтроль за миграционными процессами, а параллельно этому была сформулирована миграционная политика, четко разделившая квалифицированные и неквалифицированные потоки: если квалифицированные

мигранты рассматриваются как потенциальные граждане, неквалифицированные редко могут остаться в Сингапуре и получить постоянный статус резидента или гражданство. Первым была дана возможность селиться по тем же правилам, по которым селятся сингапурцы. Для вторых созданы общежития, вынесенные на окраины города. До определенного момента такое расположение общежитий скорее отвечало удобству работодателей, нежели было сформулированной политикой. В 2008 г. власти пробовали открыть общежитие для нерезидентов в одном из жилых районов (Serangoon Gardens), но столкнулись с недовольством местных жителей: петицию против этой инициативы подписали 1600 человек. Предложенный государством компромисс — перенести входную группу общежития на другую улицу, дальше от жилого комплекса, и селить там только мигрантов, занятых на промышленных предприятиях, китайского и малазийского происхождения (т. е. не строителей из Бангладеш) — жителей не удовлетворил, и в итоге общежитие открыто не было. Это выступление сингапурцев, однако, произошло не на пустом месте и находилось в тренде прочих антимигрантских выступлений: например, правительственный доклад 2013 г. (*A Sustainable Population for a Dynamic Singapore: Population White Paper*) вызвал самый крупный с момента обретения Сингапуром независимости протест, в котором участвовало порядка пяти тысяч человек [Yeoh, Lam, 2016].

Но в какой-то момент власти и общество стали союзниками в деле переноса общежитий на окраины. 8 декабря 2013 г. индийского рабочего в районе Маленькая Индия сбил автобус, доставлявший рабочих обратно в общежитие. Собралась толпа, насчитывавшая около 300 человек, которую к ночи разогнала полиция. Предположительно, эта ситуация была отправной точкой для того, чтобы государство стало стимулировать работодателей размещать мигрантов в общежитиях, удаленных от жилых районов, устройство которых позволяло бы людям их не покидать. Также были приняты правила, согласно которым в одном помещении может проживать не более шести (а не восьми, как раньше) иностранцев, что сделало проживание в шопхаусах экономически менее привлекательным: была создана ситуация, когда все больше неквалифицированных мигрантов стали переселяться из старых районов в центре в общежития на окраинах.

Таким образом, если квалифицированные мигранты, рассматриваемые обществом как потенциальные граждане, за редкими исключениями расселены равномерно по городу, сообразуясь с этническими квотами для домов и районов, временные мигранты в основном живут отдельно — в старых районах, а также в специальных мигрантских общежитиях, вынесенных на городскую периферию. Ключевую роль в создании и поддержании такого положения вещей играет государство посредством этнической, миграционной и жилищной политики, но в части сегрегирования трудовых мигрантов важным союзником государства выступает общество, в котором сильны антимигрантские установки. Кроме того, низкоквалифицированные мигранты живут в центральных районах со старой застройкой, иногда продолжая этническую историю места (район Маленькая Индия), однако в свете новых регуляций и реновационной активности правительства доля проживающих в этих районах от всех мигрантов снижается и значимость этих районов как мест концентрации мигрантов падает.

Список литературы (References)

- Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 52—64.
- Vendina O. (2004) Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3. P. 52—64. (In Russ.).
- Amrith S. (2010) Mobile City and the Coromandel Coast: Tamil Journeys to Singapore, 1920—1960. *Mobilities*. Vol. 5. No. 2. P. 237—255. <https://doi.org/10.1080/17450101003665085>.
- Arbaci S. (2007) Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. No. 4. P. 401—433. <https://doi.org/10.1080/14616710701650443>.
- Åslund O. (2005) Now and Forever? Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 35. No. 2. P. 141—165. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2004.02.001>.
- Atkinson R., Kintrea K. (2000) Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93—108. <https://doi.org/10.1332/0305573002500857>.
- Avenel C. (2009). La construction du “problème des banlieues” entre ségrégation et stigmatisation. *Journal français de psychiatrie*. No. 3. P. 36—44. <https://doi.org/10.3917/jfp.034.0036>. (In French).
- Benton-Short L., Price M. D., Friedman S. (2005) Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 4. P. 945—959. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00630.x>.
- Berry B. J. L., Rees P. H. (1969) The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445—491.
- Bidoux P.-É. (2012) Les descendants d’immigrés se sentent au moins autant discriminés que les immigrés. *INSEE Île-de-France à la page*. No. 395. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1292652>. (In French).
- Bidoux P.-É., Couleaud N. (2017) Les quartiers de la politique de la ville en Île-de-France. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 57. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2658852>. (In French).
- Blanc-Chaléard M.-C. (2008) Migrants et logement en France. *Accueillir*. No. 245. P. 4—7. https://www.revues-plurielles.org/_uploads/pdf/47/245/245_les_immigres_et_le_logement.pdf. (In French).
- Briggs X. D. S. (2003) Re-shaping the Geography of Opportunity: Place Effects in Global Perspective. *Housing Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 915—936. <https://doi.org/10.1080/0267303032000135500>.

Clark W. A. V. (1988) Understanding Residential Segregation in American Cities: Interpreting the Evidence. A Reply to Galster. *Population Research and Policy Review*. Vol. 7. No. 2. P. 113—121. <https://doi.org/10.1007/bf00125463>.

Couleaud N., Poncelet T., Capillon J., Ngo Ch., Derosier A., Gilotte O., Didier A., Gauthier L. (2016) Brevet des collèges en Ile-de-France: Réussite à l'examen et inégalités sociales des territoires vont de pair. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 40. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2421947>. (In French).

Cowgill D. O., Cowgill M. S. (1951) An Index of Segregation Based on Block Statistics. *American Sociological Review*. Vol. 16. No. 6. P. 825—831. <https://doi.org/10.2307/2087511>.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Duncan O. D., Duncan B. (1955) A Methodological Analysis of Segregation Indexes. *American Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 210—217. <https://doi.org/10.2307/2088328>.

Epstein R. (2011) Politiques de la ville: bilan et (absence de) perspectives. *Regards Croisés sur L'économie*. No. 1. P. 203—211. <https://doi.org/10.3917/rce.009.0203>. (In French).

Havekes E. A. (2014) Putting Interethnic Attitudes in Context. The Relationship between Neighbourhood Characteristics, Interethnic Attitudes and Residential Behaviour. Ph. D. Thesis. Utrecht: Utrecht University. <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/290127>.

Histoire de l'immigration en France. La contribution des immigrés au développement économique et aux guerres françaises de 1850 à aujourd'hui. Collectif des Luttins. Grenoble, 2004. http://www.preavis.org/formation-mr/Luttins/brochure_immigration_1-0.a5.pdf. (In French).

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. (1947) The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*. Vol. 12. No. 3. P. 293—303. <https://doi.org/10.2307/2086519>.

Janson C. G. (1980) Factorial Social Ecology: An Attempt at Summary and Evaluation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6. P. 433—456. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.06.080180.002245>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007a) Ethnic and Racial Segregation in U. S. Metropolitan Areas, 1980—2000: The Dimensions of Segregation Revisited. *Urban Affairs Review*. Vol. 42. No. 4. P. 479—504. <https://doi.org/10.1177/1078087406292701>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007b) The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of*

American Geographers. Vol. 97. No. 4. P. 713—738. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2007.00579.x>.

Jones K., Johnston R., Manley D., Owen D., Charlton C. (2015) Ethnic Residential Segregation: A Multilevel, Multigroup, Multiscale Approach Exemplified by London in 2011. *Demography*. Vol. 52. No. 6. P. 1995—2019. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0430-1>.

Krysan M. (2002) Community Undesirability in Black and White: Examining Racial Residential Preferences through Community Perceptions. *Social Problems*. Vol. 49. No. 4. P. 521—543. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.521>.

Lapeyronnie D. (2006) Révolte primitive dans les banlieues françaises. *Déviance et Société*. Vol. 30. No. 4. P. 431—448. <https://doi.org/10.3917/ds.304.0431>. (In French).

Lévy-Vroelant C. (2004) Le logement des Migrants en France du Milieu du 19e siècle à nos Jours. *Historiens et Géographes*. No. 385. P. 147—165. (In French).

Maloutas T., Fujita K. (eds.) (2016) Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315605661>.

Massey D. S., Denton N. A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*. Vol. 67. No. 2. P. 281—315. <https://doi.org/10.1093/sf/67.2.281>.

Musterd S., Andersson R. (2005) Housing Mix, Social Mix, and Social Opportunities. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 6. P. 761—790. <https://doi.org/10.1177/1078087405276006>.

Musterd S., Marcińczak S., Van Ham M., Tammaru T. (2017) Socioeconomic Segregation in European Capital Cities. Increasing Separation between Poor and Rich. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 1062—1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Pan Ké Shon J.-L. (2011) Residential Segregation of Immigrants in France: an Overview. *Population and Societies*. No. 477. https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19145/pesa477.en.pdf.

Pan Ké Shon J.-L. (2009) Ségrégation ethnique et ségrégation sociale en quartiers sensibles. *Revue française de sociologie*. Vol. 50. No. 3. P. 451—487. <https://doi.org/10.3917/rfs.503.0451>.

Panics R., Vriend N. J. (2007) Schelling's Spatial Proximity Model of Segregation Revisited. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. No. 1—2. P. 1—24. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.03.008>.

Park R. E. (1950) *Race and Culture*. Glencoe, IL: Free Press.

Park R. E., Burgess E. W. (1925) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Phang S.-Y. (2018) Policy Innovations for Affordable Housing in Singapore: From Colony to Global City. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-75349-2>.
- Préteceille E. (2011) Has Ethno-Racial Segregation Increased in the Greater Paris Metropolitan Area? *Revue française de sociologie*. Vol. 52. No. 5. P. 31—62. <https://doi.org/10.3917/rfs.525.0031>.
- Raden D. (2003) Ingroup Bias, Classic Ethnocentrism, and Non-Ethnocentrism among American Whites. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 803—828. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00355.x>.
- Rahman M. M. (2017) Bangladeshi Migration to Singapore. A Process-Oriented Approach. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3858-7>.
- Schelling T. C. (1971) Dynamic Models of Segregation. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143—186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.
- Seng L. K. (2007a) Black Areas: Urban Kampongs and Power Relations in Post-War Singapore Historiography. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. Vol. 22. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1355/sj22-1a>.
- Seng L. K. (2007b) Dangerous Migrants: The Representations and Relocation of Urban Kampong Dwellers in Postwar Singapore. Asia Research Centre Working Paper No. 140.
- Skifter Andersen H., Andersson R., Wessel T., Viikama K. (2016) The Impact of Housing Policies and Housing Markets on Ethnic Spatial Segregation: Comparing the Capital Cities of Four Nordic Welfare States. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1110375>.
- Tammaru T., Musterd S., van Ham M., Marcińczak S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. In: Tammaru T., Marcińczak S., van Ham M., Musterd S. (eds.) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. East meets West*. London: Routledge. P. 1—29.
- Tribalat M. (1997) Chronique de l'immigration: Les populations d'origine étrangère en France métropolitaine. *Population*. Vol. 52. No. 1. P. 163—220. (In French). <https://doi.org/10.2307/1534513>.
- Urselmans L. (2016) A Schelling Model with Immigration Dynamics. In: Lewis P. R., Headleand C. J., Battle S., Ritsos P. D. (eds.) *Artificial Life and Intelligent Agents. Second International Symposium, ALIA 2016, Birmingham, UK, June 14—15, 2016, Revised Selected Papers*. Cham: Springer. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90418-4_1.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities — Journal of Urban Ethnography*. Vol. 8. No. 2. P. 42—58. <http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads/2018/11/5-Anna-Rocheva.pdf>.
- Vieillard-Baron H. (2016) Les religions dans les banlieues: territoires et sociétés en mutation. *Géocofluences: Ressources de géographie pour les enseignants*.

<http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/dossiers-thematiques/fait-religieux-et-construction-de-l-espace/articles-scientifiques/les-religions-dans-les-banlieues-territoires-et-societes-en-mutation>.

Warren J. F. (2003) *Rickshaw Coolie: A People's History of Singapore, 1880—1940*. Singapore: Singapore University Press.

White M. J. (1988) *American Neighborhoods and Residential Differentiation*. New York: Russell Sage Foundation. <https://www.russellsage.org/sites/default/files/AmNeighborhoods.pdf>.

Yang H., Yang P., Zhan S. (2017) Immigration, Population, and Foreign Workforce in Singapore: An Overview of Trends, Policies, and Issues. *HSSE Online*. Vol. 6. No. 1. P. 10—25. https://www.hsseonline.edu.sg/sites/default/files/uploaded/journal_articles/2-peidong.pdf.

Yeoh B. S.A. (2018) Transnational Migration and Plural Diversities: Encounters in Global Cities. In: Liu-Farrer G., Yeoh B. S. (eds.) *Routledge Handbook of Asian Migrations*. London: Routledge. P. 238—249. <https://doi.org/10.4324/9781315660493-18>.

Yeoh B. S.A., Lam T. (2016) Immigration and Its (Dis)Contents: The Challenges of Highly Skilled Migration in Globalizing Singapore. *American Behavioral Scientist*. Vol. 60. No. 5—6. P. 637—658. <https://doi.org/10.1177/0002764216632831>.

Zhou M., Logan J. R. (1991) In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese. *Social Forces*. Vol. 70. No. 2. P. 387—407. <https://doi.org/10.1093/sf/70.2.387>.

Zubrinksy Ch.C. (2006) *Won't You Be My Neighbor: Race, Class, and Residence in Los Angeles?* New York: Russell Sage Foundation.